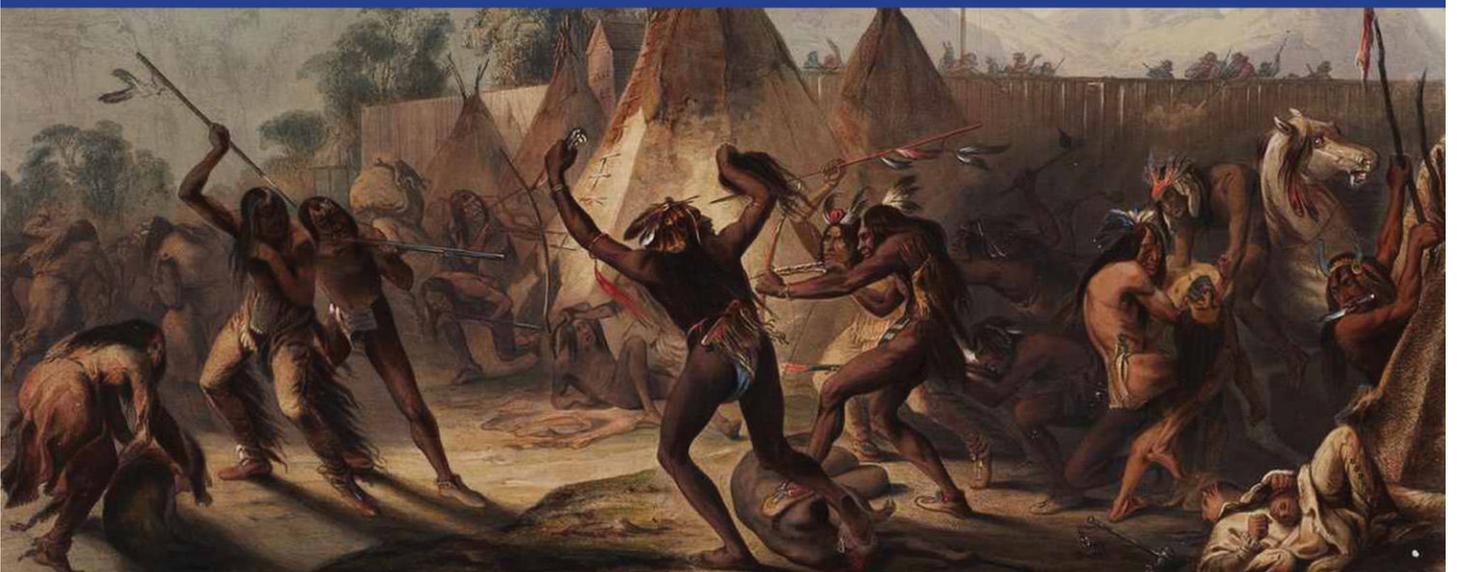

Джеймс Кервуд

Тяжелые годы

Перевод с английского
Марка Волосова

ФТМ

Джеймс Оливер Кервуд

Тяжелые годы

«ФТМ»

1928

Кервуд Д.

Тяжелые годы / Д. Кервуд — «ФТМ», 1928

ISBN 978-5-4467-3375-0

Приключенческий роман Джеймса Кервуда повествует о войне Франции и Англии в Северной Америке во второй половине XVIII века. Юный Джимс Бюлэн возвращается домой и видит, что после нападения индейцев могауков все его родные убиты, а дом превращен в пепелище. Вместе со своей возлюбленной Туанеттой Тонтэр Джимс прячется в лесах. Вождь племени сенеков соглашается отвести их в таинственный город Ченуфсио, в который дикари приводят своих белых пленников. Но на пути героев ждет множество опасностей и испытаний.

ISBN 978-5-4467-3375-0

© Кервуд Д., 1928

© ФТМ, 1928

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Джеймс Оливер Кервуд

Тяжелые годы

Глава I

Однажды под вечер в мае 1749 года через открытое, кое-где поросшее дубом пространство Тонтэр Хилл брели четыре существа – собака, мальчик, мужчина и женщина, держа путь к девственным дебрям французской границы на запад от реки Ришелье и озера Шамплейн. Впереди шла собака, следом за нею мальчик, затем мужчина, а шествие замыкала женщина.

– Как раз шиворот-навыворот! – ворчал Тонтэр, провожая их глазами. – Только глупцы могут себе позволить таким образом идти навстречу опасности в стране, кишашей дикарями. Мужчине следовало бы быть впереди, во главе дорогих ему людей, с длинным ружьем наготове, и пытливо вглядываться в таинственную даль. За ним должна была следовать женщина, чтобы вместе с ним бодрствовать и бдеть, а уже потом мальчик и собака, если вообще их присутствие необходимо в подобного рода путешествии при надвигающихся сумерках!

Тонтэр был тот одноногий вояка-барон, с мельницы которого, приютившейся в долине, возвращались сейчас домой путники с собакой.

Барон смотрел вслед женщине, и во взгляде его можно было прочесть затаенный душевный голод. Станный человек этот Анри Бюлэн, размышлял он. Пусть он немного не в своем уме, возможно, что он чуть придурковат, но вместе с тем он мог смело считать себя счастливым мужем, имея жену с таким очаровательным лицом, такую энергичную и с таким чистым сердцем.

А Джимс тоже мог почитать себя счастливым, имея такую мать, как Катерина Бюлэн.

Даже этот негодный пес и тому повезло! Уже не говоря о том, что эта пронырливая собака ровным счетом ни гроша не стоила. Старая развалина, а не собака, тварь без души, а поди же, эта женщина ласкает ее, кормит ее, улыбается ей... Он, барон Тонтэр, сам видел, как Катерина Бюлэн улыбалась ей!

Мсье Тонтэр от злости даже топнул по мягкой земле деревянным обрубок, заменявшим ему ногу, когда путники скрылись из виду. Сам король Франции оказал ему великую честь, сделав его одним из первых баронов, поселившихся на реке Ришелье и геройски отстаивавших французскую территорию от наступления англичан и их жестоких краснокожих союзников. Тонтэр был стражем, охранявшим тот водный путь, который вел напрямик к сердцу Новой Франции. Случись явиться сюда англичанам с их жадными до скальпов друзьями, могауками и сенеками, им раньше всего пришлось бы пересечь эти места. Ни один полководец не мог бы удостоиться большей чести.

Итак, он пожал славу, он богат, он безгранично властвовал над огромной территорией... и, тем не менее, он завидовал Анри Бюлэну.

* * *

День близился к концу. Все длинней и длинней становились майские тени. Солнце еще редло багровым пламенем над землей, но в лучах его уже не было ни прежней ослепительной яркости, ни знойного тепла. Земля, казалось, радостно мурлыкала, наслаждаясь покоем и миром. И так продолжалось в течение многих уже дней. Животворные дожди пролились над землей, и сразу зазеленели поля и луга. Бывали и сильные ветры, и темные тучи, и громовые раскаты, но только по ночам. А с зарей снова ласково грело солнышко, пели птицы, строившие гнезда, распускались цветы и зеленели леса.

Так тихо было в этот майский день, что отчетливо слышно было жужжание пчел, сопровождаемое аккомпанементом журчащих многочисленных ручейков, прокладывавших себе путь к лугам, окаймлявшим берега Ришелье.

Был тот час, когда пташки щебечут уже тише. С утра они наполняли воздух зазывным, радостным хором. Но с приближением вечера их голоса становились все тише, точно они пели мелодичный гимн природе. Повсюду, куда только падал взор, цветы, птички и глубокий покой. Земля, залитая мягкими лучам заходящего солнца; небо, ласково улыбающееся своей бездонной синевою верхушкам вековых дубов; и путники, подвигающиеся на запад, – мальчик, мужчина, женщина и с ними собака.

Всем им, не исключая даже собаки, завидовал Тонтэр.

«Между прочим, – мелькнула у него мысль, – у этого пса вполне подходящее имя. Руина, а не пес, почище еще самого барона, с его культяпкой, вместо отстреленной ноги, и грудью, носившей следы таких страшных сабельных ран, которые всякого другого отправили бы на тот свет».

Начать с того хотя бы, что собака была крупная, костлявая и страшно тощая – в общем, нагромождение костей, сухожилий и мышц. Она была ужасно некрасива, – ну до того безнадежно уродлива, что нельзя было, однажды увидав... ее не полюбить! Шерсть ее, никогда не чесанная, стояла торчком. Лапы были чудовищной величины, челюсти – длинные и худые, а уши, вернее, жалкие огрызки ушей, красноречиво говорили о многочисленных и жестоких схватках с сородичами. Вместо хвоста торчал небольшой обрубок, которым собака изредка помахивала, передвигаясь же, она хромала до такой степени, что все ее тело при этом сотрясалось. Объяснялось это тем, что у нее недоставало одной из передних лап, – совсем как ноги у барона. Коротко говоря, это был резвый, плутоватый, безобразный и славный пес, которого Катерина Бюлэн, со свойственной ей способностью давать правильную оценку вещам, наградила кличкой Потеха.

Как видите, Тонтэр был наполовину прав, мысленно называя собаку руиной. Но в одном отношении он грубо заблуждался. У Потехи была душа, целиком принадлежавшая ее господину, то есть мальчику. Эта душа носила на себе глубокий рубец, оставленный в ней голодом и жесточайшими побоями, доставшимися ей в индейском поселке, где Анри Бюлэн нашел ее умирающей четыре года тому назад, принес домой и отдал Джимсу. Надо заметить, что рана под рубцом так и не зажила в душе собаки, что и превратило ее в неутомимого и подозрительного следопыта, чутко относившегося ко всяким звукам и запахам в лесу.

Даже сейчас, когда на земле царил полный покой, нарушаемый лишь щебетанием птичек, Потеха оставалась настороже, держась в двух шагах впереди спутников. Из всей процессии, гуськом продвигавшейся на запад, она, казалось, одна только была начеку, точно ожидала опасность, которая могла бы неожиданно вынырнуть из окружавшего их мира красоты и безмятежного покоя. Время от времени собака на ходу оглядывалась назад, на своего юного господина. Лицо и глаза мальчика выражали тревогу, которая передалась мало-помалу и собаке, и та порою издавала забавный, визгливый звук, точно хотела спросить, в чем дело.

Мальчика звали Даниель Джеймс Бюлэн, но уже с самого детства за ним укрепилось имя Джимс. Ему было двенадцать лет, и он весил на двадцать фунтов больше Потехи, которая, – если только правильно показывали весы на мельнице Тонтэра, – весила шестьдесят. Даже в толпе можно было догадаться, что Джимс и Потеха принадлежат друг другу: если пес был старым, покрытым ранами воякой, то мальчик, со своей стороны, всем существом выражал определенное тяготение к такой же славной карьере.

– Батюшки! Да ведь он разодет совсем как смелый, страшный пират, явившийся с целью похитить мою маленькую девочку и держать ее до получения выкупа!

Так воскликнул Тонтэр при виде Джимса, отец которого вторил смеху барона. А в довершение всего старый вояка начал поворачивать мальчика во все стороны, не торопясь и вслух

давая оценку его наряду, между тем как прелестная маленькая Мария-Антуанетта наблюдала за всем этим, презрительно вздернув кверху свой аристократический носик, а ее препротивный кузен из Квебека Поль Таш насмешливо строил гримасы за его спиной. И все это после того, как Джимс столько труда потратил на свой туалет в надежде на то, что взгляд Марии-Антуанетты упадет на него.

Вот в этом-то и крылась вся трагедия. Он надел новехонький костюм из лосиной кожи в тот день, когда они отправились на мельницу Тонтэра за мешком муки. В руках у него было ружье, на два дюйма выше его самого. Большущий пороховой рог болтался у него сбоку, за пояс был воткнут охотничий нож, а через плечо было перекинута самое ценное сокровище – превосходный тонкий лук и колчан со стрелами. На голове его красовалась енотовая шапка, которую он надел, несмотря на теплый день, так как она была много красивее его убогого летнего головного убора. А в меховую шапку было воткнуто великолепное перо.

Потеха была страшно горда воинственным видом своего господина и никак не могла понять, чем объясняется перемена, происшедшая внезапно в настроении мальчика, который сейчас шагал с необычайно хмурым и угрюмым выражением лица.

Анри Бюлэну смерть как хотелось описать жене сценку, разыгравшуюся на мельнице, и он только ждал момента, когда Джимс отдалится настолько, что не в состоянии будет услышать его. Но уже такова была натура Анри Бюлэна, что он во всем склонен был видеть только хорошую или смешную сторону. Этим-то и объясняется то обстоятельство, что Катерина вышла за него замуж, и по той же причине она любила его теперь еще больше, чем пятнадцать лет тому назад, когда Джимса еще не было на свете. И ничем другим опять-таки нельзя объяснить того, что Анри Бюлэн чувствовал себя прекрасно в глуши, среди цветов, деревьев и опасностей.

Он любил жизнь, любил ее беззаветно и просто, безгранично доверяясь ей, а потому храбрый барон Луи Эдмонд Тонтэр называл его глупцом и предсказывал, что наступит день, когда его собственный скальп вместе со скальпами жены и сына украсит маленький обруч, на котором индейцы носят свои военные трофеи.

Шагая позади мужа и сына, Катерина Бюлэн смотрела на расстилавшийся перед нею прекрасный мир с радостным чувством и с гордостью, оставаясь чуждой каких-либо страхов. Ни один мальчик в мире не мог сравниться с ее Джимсом, ни один другой муж – с ее Анри. Эта бесконечная любовь была написана в ее лучистых глазах. Всякий, кто приходил в соприкосновение с нею, чувствовал, что она счастлива и, подобно тому, как восторженный барон, тайком от всего мира, лелеял свою безнадежную любовь, мечтая наедине с самим собою, так и Катерина, оставаясь позади мужа и сына, ласкала свой взор их видом, благо те не могли сейчас заметить выражения ее лица. Это желание хранить про себя свою радость объяснялось тем, что Катерина была не француженка, а англичанка. Потому Джимсу и было дано английское имя, унаследованное от дедушки, бывшего учителем в Новой Англии, в провинции Пенсильвания. На границе этой страны Анри и познакомился с Катериной и женился на ней за два года до смерти старого Адамса.

– И все эти пятнадцать лет ты не перестаешь молодеть и хорошеть, – часто повторял Анри Бюлэн. – Какая же это будет трагедия, когда я состарюсь, а ты останешься все той же юной девушкой!

И нельзя не признать, что Катерине никак нельзя было дать тридцати пяти лет. Ее лицо и глаза могли бы принадлежать любой молодой девушке, а сейчас, когда она шагала следом за мужем и сыном, в ней особенно чувствовалось что-то нежное и лучезарное. Тонтэр знал, что обожание, которое Катерина расточает мужу и сыну и всему, имевшему отношение к их жизни, и которое позволяло ей мириться со всеми неудобствами и лишениями почти первобытной жизни в дебрях, объясняется отнюдь не одной лишь преданностью к любимым существам. Этой женщине не чужды были культура и широкий кругозор – она впитала их сперва от матери, а после ее смерти – от образованного отца, оставившего ей в наследство способность ценить

по достоинству счастье. И если она тосковала порою по всему, что оставалось недоступным для нее в глуши, то, во всяком случае, красивые тряпки не являлись для нее целью жизни, как для мадам Тонтэр.

Последняя, между прочим, особенно ненавидела Катерину Бюлэн за то, что та, будучи искусной мастерицей, умела из самого дешевого материала создавать собственными руками прекрасные и элегантные вещи. А так как изделия Катерины всегда носили явно выраженный отпечаток английского вкуса, Анриета Тонтэр смотрела на ненавистную ей женщину с таким отвращением, точно перед нею находился кубок отвратительного яда.

Тонтэр все это прекрасно знал и в своей честной душе проклинал женщину, называвшуюся его женой, с ее высокомерными аристократическими замашками, с ее напудренными волосами, с ее нарядами, драгоценностями, с ее абсолютной неспособностью любить! И благодарил судьбу за то, что маленькая Мария-Антуанетта с каждым годом становится все меньше и меньше похожей на свою мать. Правда, Мария-Антуанетта обладала бурным нравом, как и он сам, но в ней также чувствовалось умение владеть собою.

Катерина шла в глубоком раздумье. Она думала о Тонтэре и о его жене, аристократичной Анриете. Она уже давно знала, что мадам Тонтэр ненавидит ее, но второе открытие она сделала только в этот день, когда барон, вопреки своим героическим усилиям, выдал себя взглядом, случайно подмеченным Катериной. Она точно обнаружила тень его тайны, и эта тень быстро исчезла. Поднимаясь по холму, она мысленно подвела итог кой-каким своим догадкам и со свойственной женщинам интуицией проникла в сокровенные думы Тонтэра. Однако это открытие не вызвало в ней ни страха перед ним, ни каких-либо опасений.

Правда, мадам Тонтэр ненавидела ее. Она не верила тому, что ей рассказывали хорошего про жену Анри Бюлэна, и ненавидела ее, прежде всего как смертельного врага ее отечества; она ненавидела ее за то, что Катерина с таким же достоинством держала свою голову, как и жена барона; и, наконец, она ненавидела ее за то, что, будучи женой всего лишь какого-то ничтожного фермера – колониста, Катерина осмелилась самым бесстыдным образом прослыть наиболее красивой женщиной во всей сеньории Тонтэр!

И, поскольку это от нее зависело, мадам Тонтэр старалась внушить эту ненависть своей дочери, маленькой Марии-Антуанетте, между тем как ее муж, оставаясь слепым ко всем хитростям, к которым прибегают женщины в таких случаях, ломал голову над вопросом, чем объяснить, что его девочка, которую он любил больше всего на свете, открыто проявляет свою неприязнь к Джимсу каждый раз, когда мальчик является в замок Тонтэр.

Глава II

Об этом задумался и Джимс, возглавлявший шествие впереди отца и матери. В данный момент он целиком находился во власти битвы. Он переживал и умом и отчасти всем телом трепет кровавого боя. Раз десять уже с момента отправления в путь он избивал до полусмерти и душил подлого Поля Таша, а присутствовавшая при его победе Мария-Антуанетта с ужасом и изумлением следила за тем, как он безжалостно разделяется с ее очаровательным молодым кузеном, приехавшим из самого великого города – Квебека¹. Но даже в самом разгаре своего пылкого воображения Джимс чувствовал острую тоску в своей душе, что не укрылось от зоркого глаза Потехи, когда она оглянулась назад на своего юного господина. С того самого дня, когда Джимс впервые увидел Марию-Антуанетту (ей было тогда семь лет, а ему девять), он не переставал грезить о ней и за много недель вперед с наслаждением думал о том путешествии, которое он, с разрешения отца, предпримет в замок Тонтэр. В эти редкие случаи он с детским обожанием смотрел на маленькую волшебницу сеньории и преподносил ей в подарок цветы, перья, орехи, леденцы из липового сиропа и всякие другие сокровища, добытые в большинстве случаев в таинственном лесу. Увы, эти преподношения, служившие выражением его преклонения, не смогли проложить моста через разделявшую их пропасть.

Все же он, скрепя сердце, терпел обиду и свято хранил память о Марии-Антуанетте, ибо не было ни одной другой девочки, которая могла бы заполнить ее место в его душе. Но с прошлой осени, со дня приезда в замок сестры мадам Тонтэр с сыном, мечты Джимса заволокло еще более темными тучами и наконец, в этот майский день, когда он с отцом и матерью побывал на мельнице, грезы уступили место желанию беспощадно отомстить тому молодому франту, который высмеял и унизил его, по всей видимости, пользуясь безграничной милостью Марии-Антуанетты.

Он обрадовался возможности взвалить вину за все свои разбитые мечты и надежды на этого богатого и заносчивого юнца, носившего кафтаны из зеленого или красного бархата с золотым шитьем, с его непроходимо глупым и самодовольным видом, с эфесом сабли, оправленным в серебро.

По приезде Поля Таша, который был двумя годами старше и головою выше Джимса, Антуанетта стала еще более высокомерно относиться к бедному мальчику, и в этот самый день она не сделала даже попытки скрыть насмешку, когда Поль Таш с ехидной усмешкой на своем смуглом лице спросил:

– Разве тебе не трудно идти так далеко пешком, мой мальчик? И неужели твоя мама позволяет тебе когда-нибудь заряжать это старое ружьишко?

Вот это воспоминание и сейчас еще жгло в груди, – воспоминание о той минуте, когда он стоял красный, как пион, не будучи в состоянии слова вымолвить, с пересохшим горлом, с еле бьющимся сердцем, между тем как мальчишка из Квебека, выступая, точно, индюк, стал удаляться, шагая рядом с Антуанеттой, предварительно окинув Джимса презрительным взглядом. Мучительнее всего было сознание собственной ненаходчивости, не позволившей ему подыскать ответ и вынудившей выслушать без малейшего возражения оскорбительные слова.

Джимс очень обрадовался, заметив, что его родители остановились, чтобы сделать передышку, у огромного камня возле тропинки; это давало ему возможность продолжать путь в полном одиночестве, а находясь в одиночестве, он мог куда лучше расправляться с кузеном Антуанетты, чем в присутствии отца и матери, следовавших за ним по пятам. Что касается Потехи, то она остановилась, дойдя до края высокого плато, густо поросшего травой и

¹ В 1749 году население Квебека, столицы Новой Франции, богатство и роскошь которого делали его своего рода Версалем Нового Света, составляло семь тысяч человек. (Прим. автора)

окаймленного чащей каштановых деревьев. А к тому времени мстительное настроение Джимса пошло уже несколько на убыль.

Внезапно Потеха замерла на месте, образовав своим большим костлявым туловищем барьер у колен Джимса. Пес стоял, приподняв свою изувеченную лапу, а когда он снова медленно опустил ее на землю, радостный трепет предвкушения пробежал по телу его юного хозяина. Они находились у края пестрившей цветами прогалины среди каштанов – место для танцев лесных фей, как выразилась утром Катерина Бюлэн по дороге на мельницу, – а за пределами каштанов тянулись густые заросли орешника, точно фей сами устроили здесь эту живую ограду, с целью защититься от нескромных взоров.

Прогалина имела шагов около трехсот в диаметре, и Джимс проникся уверенностью, что на противоположном конце ее, среди густой заросли кустарника, скрывается какая-то дичь. Мальчик быстро припал к земле и притаился за гигантским, наполовину сгнившим стволом дерева, упавшим лет сто тому назад.

Потеха тоже припала к земле, держа нос на уровне древесного ствола. Прошла целая минута, затем другая... Еще минута, а между тем ни Потеха, ни Джимс не обнаруживали ни малейшего признака разочарования. И человек и животное лежали до такой степени тихо и неподвижно, что рыжая белка, сидевшая на дереве неподалеку, стала внимательно присматриваться к ним, мучимая любопытством, а какая-то пичужка села чуть ли не на самый ствол ружья.

От земли поднимался тонкий аромат фиалок и анемонов, но Джимс ни разу не взглянул на гущу белых, розовых и голубых цветов, раздавленных его коленями. Его взор был устремлен вперед, на противоположную оконечность прогалины, то есть в том же направлении, в каком вытянул кончик носа чуткий пес.

Прошла еще одна минута безмятежного безмолвия, нарушаемого лишь легким шуршанием листвы, и наконец, из чащи вынырнул великолепный индюк, выступая величественной походкой. «Он весит фунтов двадцать и ничуть не меньше», – подумал Джимс. Голова индюка, казалось, была налита кровью, он весь отливал золотом и пурпуром, а изумительные перья, покрывавшие его гордую грудь, достигали чуть ли не земли. Эта гордая и редкая птица начала кружиться на лужайке, бросая вызов всему миру и издавая в избытке самодовольства какие-то забавные звуки, явственно доносившиеся до слуха притаившихся «зрителей».

Невольно Джимс подумал в этот момент о Поле Таше, так как юнец из Квебека в точности вел себя как этот индюк, кичась своими яркими кафтанами и разыгрывая из себя важную персону.

Мальчик затаил дыхание, когда вдруг откуда-то из кустов вынырнула стройная серовато-коричневая самка и направилась к своему красноголовому властелину. Вслед за этим послышалось трепыхание множества крыльев, и штук шесть индюшек присоединились к первой, образовав оживленное общество на открытом пространстве. Индюк еще более гордо стал прохаживаться по лужайке, нахохлившись и надувшись до такой степени, что стал вдвое больше своих подлинных размеров. И Джимсу, с интересом наблюдавшему за этой сценкой, казалось, что толпившиеся вокруг самца индюшки в точности напоминают полдюжины Антуанетт, привлеченных ярким нарядом индюка и его повадкой строить из себя нечто величественное. При этой мысли он почувствовал еще больший прилив ненависти к Полю Ташу, и у него появилось желание излить злобу против соперника на гордого индюка.

Медленным движением руки, приготовив лук, натянул стрелу. Он ждал, когда индюк приблизится к нему, чтобы расстояние между ними уменьшилось шагов до двухсот. Дюйм за дюймом поднимался он на коленях, а Потеха при этом все больше и больше настораживалась всем своим существом.

Глухой, придушенный звук вырвался из горла собаки, когда стрела оказалась натянутой до последних пределов. Пение тетивы напоминало собою звук, издаваемый стальным камер-

тоном. Точно серая молния мелькнула стрела через прогалину. Среди птиц произошло ужасное замешательство, в воздухе захлопали тяжелые крылья, игравшие всеми цветами радуги, а вслед за этим семеро стройных самок кинулись искать спасения в кустарниках.

На земле бился в предсмертных судорогах Поль Таш, то есть великолепный индюк, а семеро Антуанетт исчезло в течение нескольких секунд, бросив своего величественного властелина на произвол судьбы.

Немного спустя Джимс и Потеха стояли возле того места, где лежала мертвая птица. Грустное и хмурое лицо мальчика снова оживилось и заиграло радостью. Индюк, в его представлении, не только являлся чудесным обедом на завтра – он олицетворял собою первый смертельный удар, нанесенный врагу.

* * *

Древняя тропа, проложенная ногами индейцев племен конавага, алгонкин и оттава, подходила в одном месте вплотную к краю высокого крутого утеса, под которым расстилалась на много миль прекрасная долина. Вот здесь и остановились с целью передохнуть Анри и Катерина Бюлэн, опустившись на огромную скалу, прозванную Беличьей, так как местность кишела этими резвыми зверьками.

Глядя на прекрасную панораму, разворачивавшуюся перед глазами, Анри принялся передавать забавную сценку, которая разыгралась на мельнице между Антуанеттой, ее кузеном и Джимсом. Он продолжал еще заливаться смехом при этом воспоминании, как вдруг заметил, что лицо Катерины подернулось дымкой грусти и тревоги.

– Я приблизительно так я думала, – сказала Катерина Бюлэн, и в голосе ее не было ни малейшего признака веселья. – Мадам Тонтэр меня ненавидит, и она внушает Туанетте ненависть к Джимсу.

– Полно, что ты такое говоришь! – воскликнул ее муж. – Мадам Тонтэр тебя ненавидит? Нет, это совершенно немыслимо! Из всех людей в мире она вдруг возненавидит...

– ...именно меня, – прервала его Катерина. – И ты, мой милый Анри, с твоей глупой уверенностью, что все должны нас любить, до сих пор не в состоянии догадаться, в чем дело. Мадам Тонтэр меня до такой степени ненавидит, что не прочь была бы отравить. Но не имея возможности этого сделать, она восстановила Туанетту против нашего малыша.

– Ты заходила к ней в дом, пока я был на мельнице?

– Да. Будучи женщиной, я не могла отказать себе в этом удовольствии.

– Я не поверю, что она ненавидит тебя! – стоял на своем Анри.

– А я тебя уверяю, что она меня ненавидит, как змею, как отраву!

– Но... Тонтэр... не может этого быть, чтобы и он питал к тебе подобное чувство!

– О нет, в этом я уверена, – сказала Катерина.

– Но если Тонтэр нас любит и хорошо к нам относится, то почему его жена может питать к нам неприязнь? – пожелал узнать Анри Бюлэн.

– Во-первых, потому, что я англичанка. Ты не должен ни на минуту забывать этого. Несмотря на то, что я полюбила Новую Францию так же, как и свою родную страну, я все же англичанка. Джимс тоже наполовину англичанин. Мы принадлежим к народу, который находится в смертельной вражде с твоей страной. Вот первая причина, которой объясняется ненависть мадам Тонтэр.

– Неужели есть еще причины?

– Да, существуют еще причины. Она ненавидит меня за то, что ее муж смотрит на меня очень благосклонно, – ответила Катерина.

Она хотела было добавить еще кое-что в пояснение своих слов, но из груди Бюэна вырвался тот беспечный смех, который она так любила, а в следующее мгновение он уже крепко сжимал ее в своих объятиях.

Потом он выпустил ее с нарочито деланной грубостью, слегка отстранил от себя и указал на долину.

– Пока у нас есть все это, – воскликнул он, – что нам за дело до мадам Тонтэр и до всего мира в придачу! Пусть они себе воюют там, пусть женщины, подобные жене Тонтэра, ненавидят и грызутся между собой, если им это необходимо. Но до тех пор, пока ты не чувствуешь себя несчастливой в этих местах, я не променяю нашего очага на все блага мира!

– И я, пока у меня есть ты и Джимс! – подхватила Катерина, меж тем как Анри снова приготовился взвалить мешок муки на плечо. – Но я думала не о себе и не о тебе, а о Джимсе, – добавила она.

Они медленно пустились вниз по тропинке. Анри Бюэн шел, углубившись в свои мысли, а Катерина через некоторое время продолжала:

– Неприязнь мадам Тонтэр ко мне меня немало забавляет, и я не скрою, что я извлекаю из этого некоторое развлечение, хотя и невинного свойства. Имея тебя и Джимса, я больше ни в ком не нуждаюсь, чтобы быть вполне счастливой, а потому ненависть мадам Тонтэр меня не особенно огорчает. Я даже не упускаю случая подразнить ее и помучить немного, хотя мне и следовало бы этого стыдиться. Сегодня, например, я притворилась, будто у меня голова болит, и распустила свои косы с одной лишь целью – показать, какие у меня длинные и густые волосы, тогда как у мадам они очень жиденькие, хотя она лишь немногим старше меня. Надо бы тебе послушать, как она фыркала, когда ее сестра из Квебека сказала, что такие дивные волосы, как мои, было бы грешно помадить или пудрить. Ты можешь считать меня злой, Анри, но, право же, я не могу отказать себе в удовольствии досадить ей при всякой возможности за то, что она меня так ненавидит, не имея для того никаких оснований. Я, со своей стороны, приложила все силы, чтобы приобрести в ней друга, но, убедившись в том, что на это нет никакой надежды, я, следуя твоим советам, старалась видеть в этом лишь забавную сторону. Но, поскольку это касается Джимса и Туанетты, – это уж совсем другое дело. Наш мальчик в течение уже нескольких лет не перестает грезить о ней, мысленно превращая ее в подружку своих детских игр и приключений.

– Я понимаю... теперь я вижу, как это было глупо с моей стороны смеяться там, в замке, – сказал Анри Бюэн. – Но, право, Тонтэр так заразительно хохотал... Мне и в голову не приходило, что мальчик может принять это близко к сердцу.

– Дети во многих отношениях похожи на женщин, – заметила Катерина. – И те и другие глубже переживают обиды, чем это доступно пониманию мужчины:

– Я сейчас же пойду к Джимсу и скажу ему, что очень жалею о случившемся, – сказал ее муж.

– Нет, ты ни в коем случае не должен этого делать, – возразила Катерина;

– Но если я неправильно поступил...

– Ты все же на этот раз ничего не будешь предпринимать, – прервала его жена.

Анри Бюэн умолк и ждал дальнейших объяснений. Через минуту Катерина продолжала:

– Видишь ли, Анри, я знаю, что Тонтэр на редкость хороший и благородный человек, что он совершенно одинок, что на сердце у него смертельная тоска, хотя он и любит беззаветно Антуанетту. Ни один человек в мире не мог бы любить такую женщину, как его жена, несмотря на все ее великосветские замашки и «голубую» кровь! Тонтэр до ужаса одинок, и я попрошу его почаще приходить к нам и брать Туанетту с собой.

– И ты думаешь, что он примет твое приглашение? – живо спросил Анри.

– Я уверена в этом, – ответила его жена.

Теперь она думала только о Джимсе, а потому была рада, что не сказала мужу того, что было у нее на кончике языка: об открытии, сделанном на мельнице Тонтэра.

– Да, он придет, – повторила она, – и, если я попрошу его, он приведет с собой Туанетту. Анри радостно рассмеялся.

– Вот уж кого я люблю, так это Тонтэра! – воскликнул он.

– Да, Тонтэр – человек, которого нельзя не любить, – согласилась с ним Катерина.

– Но послушай, Катерина, – сказал Анри, перекидывая тяжелый мешок с одного плеча на другое, – как же насчет Туанетты, если мадам Тонтэр скажет «нет»?

– И все же Тонтэр возьмет ее с собой, – ответила Катерина. – То есть в том случае, разумеется, если я скажу ему, что мне очень хотелось бы этого, – добавила она, лукаво усмехнувшись.

– Ну еще бы! – уверенно воскликнул Анри Бюлэн. – Конечно он возьмет ее с собой, если ты вот так посмотришь на него. Но если он это сделает и мадам Тонтэр будет протестовать, и все же он осмелится это повторить...

– Тогда она, возможно, будет сопровождать его, – сказала Катерина. – Может случиться, что мадам Тонтэр меня еще больше полюбит после этого!

Она умолкла и прикоснулась рукой к рукаву мужа, так как они вышли на открытое пространство, миновав каштановую рощу, и неподалеку от себя увидели Джимса и Потеху, стоявших над убитой птицей.

Горячая волна гордости и радости заполнила сердце Джимса, когда он увидел приближающихся отца и мать. Потеха, точно оцетинившееся сказочное чудовище, радостно помахиwała огрызком своего хвоста. Глаза мальчика загорелись огнем, когда он увидел, что мать с глубоким интересом смотрит на его добычу, а отец, сбросив на землю мешок, с нескрываемым изумлением изучает великолепную птицу и стрелу, пронзившую ее насквозь.

Катерина исподтишка наблюдала за мальчиком, между тем как оба дорогих ей существа, побуждаемые охотничьими инстинктами, устремили все свое внимание на убитого индюка. Глаза мадам Бюлэн сияли, и когда Анри, насытившись видом птицы, поднял глаза на жену, он, по-видимому, прочел ее мысли, так как ласково положил руку на плечо Джимса.

«Как похож этот мальчик на свою мать, – невольно подумал он. – Разница лишь в его серых глазах и светлых волосах, которые он не иначе как унаследовал от ее никудышного брата, Эпсибы Адамса, этого вечного бродяги, неукротимого вояки и на редкость славного парня!» Анри Бюлэн был вдвойне счастлив сейчас, видя, с какой гордостью его жена смотрит на их сына. Не будучи в состоянии сдержать восторга, она принялась восхвалять подвиг мальчика.

– Какой меткий выстрел! – воскликнул он, низко наклонясь, чтобы лучше разглядеть и птицу и стрелу. – Прямо насквозь, от крыла до крыла, точно пулей! И до самой бородки вошла в птицу! Вот уж никогда не поверил бы, что у тебя, мальчонок, хватит сил так натянуть тетиву! И ты говоришь, что выпустил стрелу вон оттуда? Право, не верится даже! Такая меткость впору была бы вождю Трубке, Белым Глазам или Большой Кошке, а не такому мальчику.

Так назывались индейцы племени конавага, друзья Бюлэна, обучившие Джимса стрельбе из лука, и не кто иной, как сам вождь Трубка, изготовил для него лук из отборного, прекрасно высушенного ясеня.

Семья Бюлэн снова пустилась в путь, а солнце опускалось все ниже и ниже, и все гуще и длиннее становились тени среди деревьев. Благодаря приближению сумерек и люди и собака подвигались вперед столь бесшумно, что ни один не слышал шагов другого. Это объяснялось инстинктом, приобретенным вследствие долгого пребывания в глуши и безлюдье. Прошло с полчаса, и вдали снова засияло небо, рдевшее на западе, а потом показались луга с разбросанными на них липами, каштанами и орешником. Наконец, достигнув обширного луга, откуда открывался вид на илистый скат, спускавшийся в запретную долину, на которую смотрели Бюлэны, отдыхая на Беличьей скале, путники издали завидели свой дом.

Он был расположен в маленьком углублении, казавшемся миниатюрой большой долины, и представлял собой хижину, сложенную из обтесанных бревен. При этом бревна не были стоймя укреплены в земле (так строились часто дома в те времена, причем такое сооружение предпочтительно возводилось вокруг огромного пня, игравшего, таким образом, роль стола), а были положены друг на дружку. Хижина была низенькая, но производила впечатление веселого домика, с большим количеством окон, чем позволил бы себе прорезать, живя в такой глуши, более осторожный человек. В одном конце домика находился огромный очаг, сложенный из глины и камней. Тут царил уют и комфорт, так как Анри Бюлэн создал самое лучшее, на что только он был способен.

После мужа и сына Катерина ничего так не любила, как свой дом.

Из его окон, абсолютно ничем не защищенных от врагов, открывался великолепный вид на восток и запад, на север и юг. Домик со всех сторон утопал в цветах (за которыми ухаживала сама Катерина), не перестававших цвести вплоть до первых заморозков. Также к самому дому прилегал огород, сад из ягодных кустов и птичники, построенные из каштанового дерева. Случись чужестранцу попасть сюда, он не поверил бы, что этот домик расположен на окраине дикой глуши.

Почти к самому огороду и саду Катерины подходили возделанные Анри Бюлэном поля, в общей сложности десять акров земли. Пахота кончалась у липовой рощи, из которой Анри за предыдущий месяц извлек свой годовой запас сиропа в пятьдесят фунтов и в четыре раза больше липового сахара².

Вот эти драгоценные владения, которые Катерина не променяла бы на все богатства мадам Тонтэр, путники завидели, едва они стали спускаться с зеленого ската маленькой возвышенности.

Но вдруг покой, окутавший дом, поля и луга, был нарушен пронзительным криком, от которого кровь застыла в жилах у людей. Казалось, от этого крика замерли все другие звуки в воздухе, испуганно метнулись в сторону, и даже флегматичный бык, остановившийся у хлева, вздрогнул от испуга. Одновременно с криком показалась человеческая фигура, вынырнувшая из зеленеющих ягодных кустов Катерины.

Одним движением плеча Анри сбросил мешок с плеча на землю, между тем как Джимс, находившийся впереди, быстро вскинул длинное ружье, а Потеха застыла точно вкопанная и зловеще зарычала. Таинственная фигура двинулась вверх навстречу путникам, а Джимс посмотрел на кремь своего ружья и стоял, держа палец на курке, готовый спустить его в мгновение ока. Но в это время Катерина, остановившаяся позади мужа и сына, вдруг ахнула от изумления, издала легкий крик и с распростертыми объятиями кинулась навстречу приближавшемуся незнакомцу.

² В Америке добыча сиропа и липового сахара из липового сока, в изобилии вытекающего из дерева весной, представляет собой крупную отрасль индустрии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.